

СЛУЧАЙНО ли, что 15 января нашего взбесившегося перед своей кончиной века — эта дамклова апокалипсическая дата совпадает со столетним юбилеем хрупкого, как все драгоценное, великомученика русской поэзии?

Век мой, зверь мой, кто сумеет Заглянуть в твои зрачки И своею кровью склеит Двух столетий позвонки? В морозной хрустальной этой строке вмерзли живые крик и дыхание.

Почему наша страна и век, дав чудовищные преступления тоталитаризма, дали в том же столетии высочайший вздох поэзии и людской тяги к ней? Лишь сейчас, сто лет спустя, понимаешь, почему поэт, отрешаясь от всесоюзного преступного помешательства, выбрал своим излюбленным образом крохотную летучую, золотую с траурными колечками осу — дикую волшебную осу-отщепенку?

Почему он написал, чуя гибель, в одном из своих последних стихов 37-го года:

Вооруженный зрением узких ос, Сосущих ось земную, ось земную...

Акмеистический образ? Не только.

Вслушайтесь, поймите — «ос...» «ос», — это из наступающей лагерной тьмы «сос»; из небытия общей ямы доносится до нас имя поэта, чтобы не забыли. Чтобы остаться в нас, чтобы через столетие мы повторили: «Осип, Осип!»

Эти осы мучительно звенят по всем его строкам: «Оссиан», «кострог», «нособь» — ос, ос, Осип...

Современники не поняли его зова. Самоуверенный невежда Павленко, которого следователь посадил в шкаф подслушивать допрос поэта, писал об этих стихах в доносе Ежову: «...он не поэт, а версификатор, холодный, головной составитель рифмованных произведений... Они (стихи. — А. В.) в большинстве своем холодны, мертвы, в них нет даже того самого главного, что, на мой взгляд, делает поэзию, — нет темперамента, нет веры в свою страну... Не любя и не понимая их...». Конечно, мудроно слышать голос поэта сквозь дверцу шкафа.

(К слову, не странно ли переименовывать сегодня в Москве улицу Чайковского, в то время как музей Пастернака продолжает находиться на... улице Павленко, того самого — из шкафа?) Несколько лет назад я тщетно писал об этом бреде, но, может быть, сейчас после публикации павленковских доносов пора опомниться и переименовать?

Но вернемся к волшебным осам.

Медуницы и осы тяжелую розу сосут...

И мертвое солнце на черных носилках несут, — это он о Пушкине писал, но собственная судьба его неосознанно уже шептала сквозь строки — «ос, ос, Осип...»

Нам остается только имя, Чудесный звук, на долгий срок...

Что означает имя для поэта? Да все означает. Ни имения, ни имущества поэт не накопил. Лишь имя свое. Имя — это первый звук языка, воссозданный с молоком. Имя связано со святыми, со звездами, с гороскопом. В имени любого поэта как бы закодирована его поэти-

ческая программа, судьба. Поняв это, мы по-новому прочитаем классиков.

И в час пирушки холостой... И пунша пламень голубой.

Вы слышите? «Пушкин, Пушкин!» — доносится к нам из тьмы времен. В есенинском излюбленном белоснежном образе

их итальянскою и русскою душой», которые они с молодой Цветаевой влюбленно посещали, путешествуя по российской истории «на розвальнях, уложенных соломой». Как жалки попытки отгородить поэта от русской культуры и истории за черту оседлости! Как

тируем заключительные абзацы статьи «Слово и культура». (Жаль, что в отличном советском издании 1987 года эти абзацы выпали из основного текста, как и эпитафия из Гумилева «Но забыли мы, что осиянно...» Опять любимое «ос».) «На место романтика, идеали-

Сталин, спросив Пастернака о Мандельштаме: «Он ведь мастер, мастер?», желая поразить меткостью суждения, конечно, был хорошо информирован. Вряд ли вождь читал статью, но советники его, безусловно, читали. (Тот же Агранов, подписавший ордер на арест поэта, всегда-

Поэт не «учительствовал» в жизни, самой строфой он давал пример гармонии, он строил, этим противостоял Системе Небытия, зодчеству массовых убийств. И божественные свои кристаллы гармонии он создавал среди голода, разрухи, братоубийственной истерии, керосиновых коптилок и распада — не чета нашим, сегодняшним. Распад дисциплины колыха, глухость к гармонии, леность — почему сегодняшняя поэзия себе это позволяет?

Зрительность его звука предвосхитила весь XX век. Да и сам образ осы — как снайперски названа она русским языком! «О-с-а» — так и видишь золотые и черные колечки «о», «с», сцепленные в пружинки, как бы написанные на воздухе. Бессмертно летит волшебная оса Осипа Мандельштама.

Великие стихи подобны брускам древесного угля. Они впитывают в себя влагу не только прошлых культур, но и смысл предстоящих лет и событий.

В своем пассаже о глоссолалии, одновременно звучащем хоре языков, поэт предсказал Ролана Барта с его «гулом языка». Правда, судьба Мандельштама, как и других российских авторов, не вмещается в учение постструктурализма («о смерти автора»). Интертекст русских поэтов кровью сочится!

Несмотря на погромные окрики, новая наша стихотворная формация частенько летает за медом к Мандельштаму. Это отрадно. Я говорю не только о петербуржцах, но вот вернувшийся из армии москвич Д. Радышевский, описывая дембель, роднит ритм мандельштамовского «Петербурга» с роком. Еще немного и дембель превратится в до-бемоль. И европейцы, и пермские «Дети стронция», и барнаульская группа тянутся к образу поэта Культуры.

Современникам, освоившим прогнозы ЭВМ, не мешало бы осознать и вещей ход, текст и судьбу ОЭМ — Осипа Эмильевича Мандельштама.

«Слово — плоть и хлеб. Оно разделяет участь хлеба и плоти: страдание. Люди голодны. Еще голоднее государство. Но есть нечто более голодное: время». У нас был шанс построить государство Культуры, увы, мы все больше и больше удаляемся от этой возможности. Неужели потомки будут изучать наш русский, животворящий язык, как ныне изучают латынь и древнегреческий, языки некогда живых держав?

В чем спасение от центробежного воя свихнувшегося века? Услышим шепот поэта: в Слове и Культуре.

Чтобы вырвать век из плена, Чтобы новый мир начать, Узловатых дней колена

Надо флейтою связать. Страшно начинается год, ожидавший стать мандельштамовским, — кровь, кровь, ляг таяков на улицах Вильнюса.

Шош. Скорбь. Стыд.

Но забыли мы, что осиянно Только слово среди земных тревог.

И в Евангелии от Иоанна Сказано, что слово — это Бог.

На этом прервем разговор о поэзии.

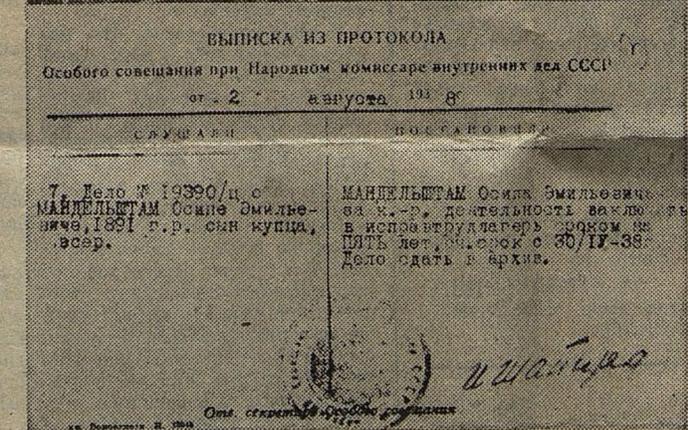
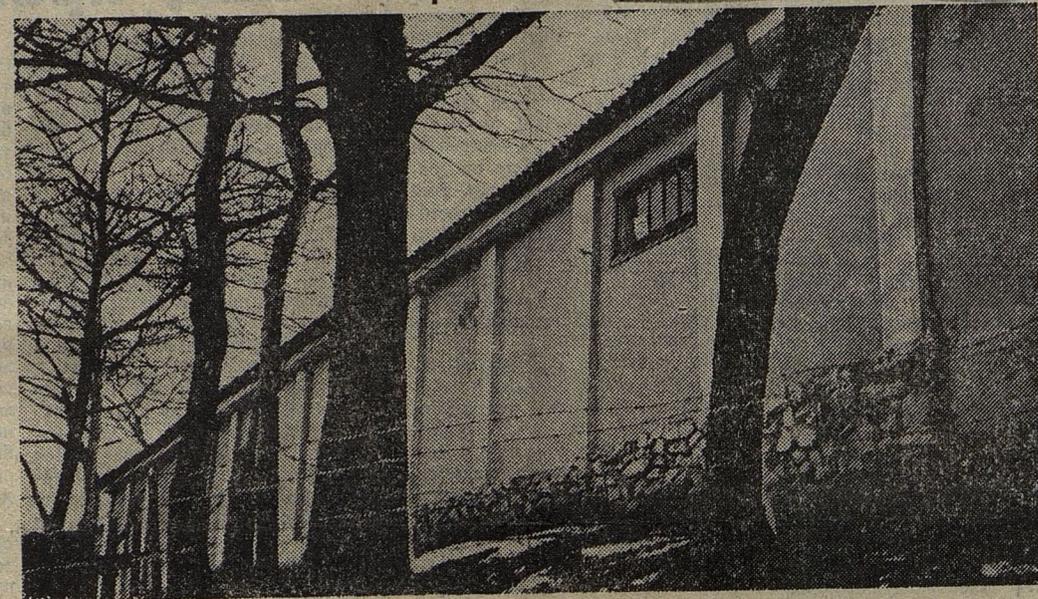
Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ.

На снимках: лагерный лагерь и страница из «дела» Мандельштама.

Фото Б. ПОДАЛЕВА и из архива МВД СССР.

СЛОВО — ЭТО БОГ

К 100-летию со дня рождения Осипа Мандельштама

точно он подметил плоть русского языка — «русский язык стал именно звучащей и говорящей плотью». Он почувствовал «эллинистическую природу русского языка, открытость нашей культуры другим. И другие культуры принимают поэта как своего. Как прекрасно недавно издали эстонцы том поэта на русском, опередив многих россиян.

Можно написать исследование об архитектурности поэта-мастера с хищным глазомером. Прочи-

ста, аристократического мечтателя о чистом символе, об отвлеченной эстетике слова, на место символизма, футуризма и имажинизма пришла живая поэзия слова-предмета, и ее творец не идеалист-мечтатель Моцарт, а суровый и строгий ремесленник мастер Сальери, протягивающий руку мастеру вещей и материальных ценностей, строителю и производителю вещественного мира». Вместо этого в нашем издании стоит застенчивое многоточие...

тай литературных салонов, мог подсказать эту самохарактеристику «мастер»).

Этот разговор Сатаны с поэтом обсуждался в московской среде, он, вероятно, и дал импульс М. Булгакову к «Мастеру и Маргарите», к линии Мастера и Воланда.

Политических вождей XX века влекла поэзия. Бухарин был поклонником Пастернака, полемизировал печатно с Троцким, который был поклонником Есенина. Сталин взял себе Маяковского. И только Мандельштаму не нашлось мецената. Он был чужд властям. И даже когда поэт, сломленный, пытался, подобно своим ослепленным братьям, петь осанну и оды, сквозь ослабевшие строки его, как кровь, проступало то цароубийственное стихотворение. Впрочем, тиран, может быть, инстинктивно по-своему любил его больше других — поэтому и убил.

Но так ли герметичен этот русский интеллигент? Вот его признание следователю: «В моем пасквиле я пошел по пути, ставшему традиционным в старой русской литературе... «страна и властелин». В 1930 году в моем политическом и социальном самочувствии наступает большая депрессия. Социальной подоплекой этой депрессии является ликвидация кулачества как класса. Мое восприятие этого процесса выражено в моем стихотворении «Холодная весна». «Холодная весна. Бесхлебный, робкий Крым». Как обостренно чувствовал боль страны этот петербуржец, горожанин, чтобы сказать то, чего не смели сказать классики советской крестьянской литературы, в романах и поэмах славящие колхозы!

И опять взглянем на последнее слово этого стихотворения. «Кольцо». Он опять поставил «о» своего имени, подписался.